

УДК 340.132.1, 340.141, 34.03

Реализация права: классический и постклассический аспекты**Краснов А.В.**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия

Васильев С.В.

Кандидат социологических наук,
заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия

В статье сопоставляется содержание категории реализации права в пределах позитивистской, классической парадигмы – как воплощение требований нормы права в правомерном поведении субъектов, а также с использованием постклассических методологических средств – в качестве комплексной категории, охватывающей конкуренцию формальных и неформальных регуляторов, влияние правосознания и иных обстоятельств на выбор поведения, а также легитимацию реализуемых норм права.

Ключевые слова: реализация права, классическая рациональность, постклассическая рациональность, позитивизм, правомерное поведение, правосознание, легитимация права.

Право как многогранная категория по-разному трактуется в научных теориях и концепциях: как система норм, как сложившийся правопорядок, как психические переживания человека и т.д. В то же время содержание права, независимо от его понимания, должно находить воплощение в реальной общественной жизни; оно должно упорядочивать отношения между субъектами, давать возможность последним реализовать свои интересы. В этом плане актуальность тематики, связанной с реализацией права, носит перманентный характер, особенно учитывая динамизм права, процессы его систематизации и совершенствования, а в отдельных случаях – деградации, что также сказывается на процессах правореализации. Особую актуальность проблемы реализации права обретают в связи с проникновением в юридическую науку достижений современных гуманитарных наук, таких, как философия и

социология, которые основываются на постклассической научной парадигме: очевидно, что новые методологические подходы к исследованию указанной категории способны дать иную интерпретацию ее содержания.

Цель исследования – формирование научно обоснованных знаний по поводу основных характеристик категории реализации права в классическом и постклассическом методологических ракурсах.

Категория реализации права достаточно давно появилась в отечественной юридической науке и получила глубокую разработку. В советский период развития правовой науки, по существу, нормативно преобладала методология исторического и диалектического материализма в сочетании с позитивистским подходом, соответственно и представления о реализации права у большинства авторов основываются именно на данной научной парадиг-

ме. В силу преобладания позитивистского (нормативистского) подхода к праву последнее трактовалось как совокупность норм (правил поведения), исходящих от государства и поддерживаемых его принудительной силой. Соответственно, и реализация права не могла мыслиться вне воплощения указанных норм в жизнь.

Все остальные аспекты реализации права, которые напрямую не имели связи с нормами официального права (мотивация поведения, толкование права, моральные соображения, правосознание и правовые архетипы сознания субъекта, моделирование своего поведения на основе целесообразности, в том числе экономической), априори были отнесены в большинстве своем к неправовым явлениям, социальному регулированию.

Классическая трактовка реализации права состоит в его определении как воплощения содержания нормы права в правомерном поведении участников правоотношений [1; 2, с. 330-331; 3, с. 127], правомерно-поведенческого, деятельностного процесса [4, с. 7], что связывает реализацию права исключительно с внешним регулятором в лице норм позитивного права. Существует и несколько более широкая трактовка в рамках той же парадигмы как воплощения требований норм права в общественных отношениях [5, с. 271].

Однако даже в рамках позитивного понимания права ставится вопрос о ненормативном регулировании, при котором принципы, цели и средства регуляции поведения людей не индивидуализированы, не дифференцированы, не сформулированы до конкретных требований, оценок и средств контроля над поведением людей в конкретных ситуациях [6, с. 25]. В дальнейшем эту идею развивает А.К. Безина, которая отмечает, что ненормативные средства регулирования могут быть не дифференцированы в плане отличия права и морали; к ним могут быть отнесены рекомендации по реализации норм права, доктринальное, научное толкование, публикация результатов научных исследований об уровне реализации всех элементов механизма правового регулирования [7].

Весомый вклад в исследование проблем правомерного поведения внесли ученые, использовавшие социологические методы исследования, в частности, В.Н. Кудрявцев [8; 9], В.П. Казимирчук [10]. Именно они затрагивали вопросы социального контроля, социально-психологического механизма формирования поведения субъекта, социальной детерминации поведения, социальной ценности норм права.

Постклассический подход к праву как результат воплощения в методологии юридической науки новых критериев научной рациональности [11, с. 134-141; 12, с. 89-92] предполагает, что право не может быть рассмотрено в рамках одной теории и

посредством его определения исключительно через одно явление, будь то законодательство, правовой порядок, психика человека, постулируется необходимость использования сочетания методологических подходов. В постклассических исследованиях сущностные черты права предлагается искать не в тесной связи с государством и его принуждением, не в выражении воли отдельных социальных групп или всего общества в целом, а в степени поддержки норм со стороны общества, то есть его легитимированности, устойчивости соответствующих правил, их формализованности в коммуникации (что совсем не предполагает обязательную фиксацию, но укорененность в общественном сознании), авторитетности, наличии ожиданий у субъектов правовых отношений в отношении поведения корреспондирующей стороны, диалогичности и т.д. [13; 14; 15].

Нельзя не отметить и юридико-антропологические исследования, в рамках которых допускается многообразие правовых практик, равное уважительное отношение к ним, делается акцент на исследовании правовых регуляторов, отражающих непозитивные пласты правовой реальности – права неформального, неписаного [16]. Социально-культурная юридическая антропология обосновывает, в свою очередь, идею социальной и культурной обусловленности права [17; 18].

Отметим, что мы несколько не пытаемся умалить достижения «классической» науки, в частности, теорию форм реализации права (которая предполагает наличие непосредственных форм – использования, исполнения, соблюдения, а также особой формы – применения права). Весьма важной в этом плане представляется попытка разработки механизма реализации права с выделением блоков (стартовый; диспозиционное правоотношение; обеспечительное правоотношение) [5, с. 288-309].

В науке предпринимаются небезуспешные попытки раскрыть механизм правового регулирования в постклассическом аспекте [19, с. 134-223]. При этом, по существу, выделяются ряд элементов реализации права, к которым отнесены конкретизация законодательства в подзаконном регулировании, господствующие в обществе правовые практики, социальные представления о праве, личностное фоновое знание, персонализация типизаций и идеализаций, индивидуальные смыслы, которыми персонализируются господствующие значения применительно к юридическим ситуациям в их интерпретации, а также мотивация [19, с. 205].

С нашей точки зрения, известная схема реализации права (норма – правоотношения – акты реализации в соответствующих формах, а именно использование, исполнение, соблюдение, применение права) должна быть дополнена целым рядом элементов с учетом использования постклассической методологии. Обратим внимание на наиболее значимые из них.

Во-первых, это – правовое сознание индивида, социальной группы и общества, правовые архетипы сознания. Правосознание оказывает существенное влияние на реализацию права в силу того, что оно формируется через социализацию, накопление социально-правового опыта [20]. Правовой архетип представляет собой «воспроизводимый из поколения в поколение первичный правовой образ, возникающий под влиянием культов, верований, мифологии и религиозных ценностей, обуславливающий понимание правовых норм, юридически значимых поступков и отношений, задающий типизированный шаблон социально-правового взаимодействия» [21, с. 8]. Правовой архетип, к примеру, может заключаться в сложившейся ментальной установке на непризнание тех или иных деяний в качестве правонарушений, в силу их распространенности и несущественности, что негативно сказывается на правореализации (переход дороги на красный свет, использование пиратской видео- и Интернет-продукции) [22].

Во-вторых, это – выбор правомерного поведения среди возможных вариантов. Индивид руководствуется несколькими моментами: выше обозначенным правосознанием и архетипами сознания, которые подсказывают стереотипные модели поведения. Важное значение имеет мотивация и целеполагание, решение вопроса о целесообразности той или иной модели с точки зрения экономических, организационных и прочих затрат. К примеру, при выборе между приобретением права собственности и получением имущества по договору лизинга во главу угла могут быть поставлены именно критерии экономической целесообразности. Весьма значимым представляется и психологическая сторона вопроса, скажем, соотношение негативной (санкции) и позитивной (поощрения) мотиваций. Весьма конструктивным в этом плане нам представляется информационно-психологический подход к механизму правового регулирования, в рамках которого за основу берется преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов, с помощью правовых средств [23].

Необходимо также учитывать, что норма права не может существовать вне контекста ее интерпретации отдельным индивидом, социальной группой или всем обществом. К примеру, административные штрафы за нарушение ПДД многими членами общества рассматриваются в качестве дополнительного «налога», а не санкции, так как необходимость обеспечения безопасности дорожного движения осознается далеко не всеми в силу невысокой правовой культуры.

В рамках выделенного блока определяется норма, которая должна урегулировать соответствующее отношение, в которое субъект намеревается вступить. Это может быть норма позитивного права, то

есть действующего законодательства; соответственно, может понадобиться и конкретизация такой нормы, о чем ранее уже писал и Ф.Н. Фаткуллин [5, с. 292]. Кроме того, должен быть решен вопрос о наличии или отсутствии неформальных правовых регуляторов и их воплощении в жизнь, то есть сложившихся социально-правовых практиках в указанных отношениях. Здесь возможны разные варианты: либо неформальные регуляторы не противоречат позитивному праву, и тогда реализация права проходит по намеченному законодателем образцу, либо противоречие имеет место, и тогда возможен некий поиск «обхода» законодательных норм, как это имеет место, например, в трудовом праве, когда в целях увольнения неугодного работника начинается поиск возможностей для его легального увольнения, вплоть до создания «правомерных» условий для нарушения им тех или иных норм трудового законодательства, или в налоговом праве, где сложившиеся обычные нормы требуют минимизации размера прибыли, так как реализация официальных позитивных норм может привести к разорению предпринимателя. В итоге происходит именно реализация права в широком смысле – как права не только позитивного, но и неформального.

В-третьих, реализация права будет невозможна или затруднена при отсутствии соответствующей легитимации нормы или норм, которые избираются субъектом. Процессы легитимации права по-разному рассматриваются в юридической и иных социально-гуманитарных науках. Так, известна теория социальных представлений С. Московичи, суть которой состоит в переводе незнакомых моделей поведения в знакомые, помещении их в известный обществу контекст (представленное становится реальным) с помощью определенной методологии [24; 25].

Кроме того, признание, легитимация права может рассматриваться через призму правовой коммуникации (А.В. Поляков): она может быть формальной (посредством процедуры принятия закона) и неформальной (основанной на соответствии закона внутренним условиям коммуникации) [26]. Через категорию социального признания легитимация рассматривается М. Ван Хуком [27, с. 251]. Известен и подход к легитимации права через рассмотрение иррациональных моментов [28].

В любом случае для эффективной реализации права необходимо воспроизведение соответствующих образцов поведения в реальной жизни широкими массами, поддержка ими соответствующих правил [19, с. 139, 145], формирование устойчивых представлений о необходимости именно таких моделей поведения.

В-четвертых, после выбора нормы, при условии ее легитимности, модель поведения так или иначе корректируется субъектом с учетом индивидуальных смыслов, персонализации типичных образцов

поведения. В результате и формируется правомерное поведение, посредством которого субъектом достигаются соответствующие цели и удовлетворяются интересы.

Что касается аспекта применения права, то следует подчеркнуть, что субъект при выборе вариантов моделей учитывает и необходимость обращения к компетентным органам и лицам, просчитывает целесообразность такого обращения. Если оно представляется неизбежным, то также определяются сложившиеся практики, просчитываются возможные затраты, учитывается легитимность соответствующих правоприменительных процедур.

Таким образом, реализация права, взятая в постклассическом методологическом контексте, предстает как сложное, комплексное явление в силу более широкого понимания содержания самого права. Она охватывает воплощение правовых регуляторов (формальных и неформальных) в правомерное поведение с учетом выбора субъекта между ними и влияния правосознания и правового архетипа на указанный процесс, поддержку моделей поведения со стороны населения. В рамках реализации права возможно выделение нескольких элементов (блоков), которые дополняют известные элементы, разработанные в классической позитивистской парадигме. В качестве дополнительных элементов (блоков) можно рассматривать правовое сознание и правовой архетип; выбор модели правомерного поведения, с учетом как действующего законодательства, так и неформальных правовых регуляторов, их распространенности на практике; легитимацию соответствующих моделей правомерного поведения, а также их персонализацию с учетом социально-правового опыта субъекта.

Литература:

1. Пиголкин А.С. Формы реализации норм общенационального права // Советское государство и право. – 1963. – № 6. – С. 26-36.
2. Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1979. – 392 с.
3. Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. – Львов: Вища шк. Изд-во при Львовском ун-те, 1975. – 260 с.
4. Решетов Ю.С. Реализация норм советского права. Системный анализ / Науч. ред.: Г.И. Курдюков. – Казань: Изд-во КГУ, 1989. – 158 с.
5. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права. – Казань: Спектр, 2000. – 340 с.
6. Пеньков Е.М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности. Некоторые вопросы методологии и теории. – М.: Мысль, 1972. – 198 с.
7. Безина А.К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений // Избранное в пяти томах. Т. II. Судебная практика и теория трудового права (1980-2008). – М.: ФГБОУ ВПО «РАП», 2012. – С. 121-122.
8. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М.: Наука, 1982. – 287 с.
9. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – М.: Наука, 1986. – 448 с.
10. Казимирчук В.П. Социальное действие права в условиях развитого социализма: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1977. – 31 с.
11. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. – 264 с.
12. Яркова Е.Н. История и методология юридической науки: учеб. пособие. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. – 463 с.
13. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... докт. юрид. наук. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 94 с.
14. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: современный тип интегративного правового понимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 4-11.
15. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
16. Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во РХГА, 2012. – 386 с.
17. Социокультурная антропология права: Коллективная монография / Под ред.: Исаев Н.А., Честнов И.Л. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. – 840 с.
18. Бехруз Х. Правовые ценности и диалог правовых культур: концепция универсальности и релятивизма // Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету. – 2012. – № 4. – С. 212-218.
19. Сидоров С.А., Честнов И.Л. Механизм правового регулирования в системе социального контроля. – СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2014. – 224 с.
20. Краснов А.В., Скоробогатов А.В. Роль правосознания в развитии правовой реальности // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 2(11). – С. 18-21.
21. Тюрин М.Г. Архетипы национальной правовой культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д., 2008. – 29 с.
22. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Российский правовой архетип: сущность и содержание // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4 (5). – С. 28-33.
23. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: монография. – М.: Юрист, 2003. – 250 с.

24. Moscovici S. The phenomenon of social representations // *Social representations* / Ed. by M. Farr, S. Moscovici. – Cambridge; Paris: CUP, 1984. – P. 3-69.
25. Честнов И.Л., Сидоренко М.К. Источники права как механизм правообразования: на примере института *reine forte et dure* в средневековой Англии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2011. – № 1(7). – С. 36-43.
26. Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. – № 1. – СПб.: ООО «Универ. издат. консорц. «Юридическая книга», 2008. – С. 9-42.
27. Марк ван Хук. Право как коммуникация / Пер. с англ. Антонова М.В., Полякова А.В. – СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Универ. издат. Консорциум», 2012. – 288 с.
28. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета: Серия «Право». – 2015. – № 1. – С. 69-78.

Exercise of Right: Classical and Post-Classical Aspects

A.V. Krasnov, S.V. Vasilev

The Kazan branch of the Russian state university of justice

The paper deals with the category of exercise of right treated within a positivistic, classical paradigm as an embodiment of requirements of norm of the law in lawful behavior of subjects, as well as its treatment within the framework of postclassical methodology as the complex category covering a competition of formal and informal regulators, effect of sense of justice and other circumstances on a choice of behavior, and also legitimization of realised norms of the law.

Keywords: exercise of right, classical rationality, postclassical rationality, positivism, lawful behavior, sense of justice, legitimization of right.

